

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ ВЛАДИМИРА ШЛЯПЕНТОХА «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ КАК ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»¹

Франц Шереги

Скажу без всяких «реверансов», что в России нет ни одной книги, которая бы столь системно, с такой полнотой и достоверностью излагала социально-политическую ситуацию в постсоветской России, как это сделано в новой работе В. Шляпентоха. Долгие годы изучая информацию о состоянии и динамике российского общества, тесно сотрудничая с представителями властных структур по их информационному обеспечению, я имею возможность многое наблюдать либо изнутри, либо из мало доступных источников. Кстати, неполнота информации в СМИ чаще всего обоснована тем, что журналисты работают по заказу какой-либо из сторон, и это во многом предопределяет угол подачи ими материала. В этой связи хочу отметить свойственную Шляпентоху высокую научную интуицию, в данном случае проявившуюся в том, что достоверность ни одного из использованных им эмпирических фактов, по моему российскому опыту, не вызывает у меня сомнения.

Эта книга – не популярная и не научно-популярная, но итог направленного научного анализа российской действительности. Читается она легко, факты как бы «лежат на поверхности», однако понимание глубины отображаемых ими социальных процессов требует высокой подготовленности в области обществознания. Оригинальность, отличающая ее от всех работ на аналогичную тему, вышедших в России, а может быть и за рубежом, состоит в том, что она является не описательным, а аналитическим трудом, основанным на нынче редко применяющемся обществоведами цивилизационном подходе. Именно по этой причине ее научная актуальность – для социологов в методологическом, а для социальных историков в аналитическом плане – сохранится на долгие годы. Более того, примененная автором цивилизационная модель может служить прекрасным научным методом при анализе других государств (и развивающихся, и развитых), а также хорошим методологическим и методическим материалом для обществоведов в вузовском образовательном процессе.

Полнота отображения в книге ситуации в постсоветской России «чувствуется» в ходе чтения различных разделов книги, при чтении книги у меня ни разу не возникло ощущения, будто для доказательства утверждений Шляпентоха не хватает информации. Информации там ровно столько, сколько необходимо и для иллюстрации, и для аргументации сформулированных им выводов и утверждений. Говоря проще, в книге нет «воды».

В работе полностью отсутствует субъективизм и назидательство, характерные для абсолютного большинства как российских, так и западных обществоведческих работ по политической тематике или социальным институтам.

Цивилизационный подход к анализу постсоветской России реализован автором на базе использования метода аналоговой модели. Это объективно, так как иной модели, разработанной с достаточной научной убедительностью, а не только в виде эвристики, пока нет. Аналоговыми моделями для описания истории не фактологическим, а аналитическим методом, успешно пользовался и Лион Фейхтвангер, в том числе для описания авторитарных

государств феодально-фашистского типа («Безобразная герцогиня», «Испанская баллада», «Гойя») и советского типа («Иудейская война»), но это был метод литературный, а не научный.

Что касается Арнольда Тойнби, он, как историк, в своих, в научном плане весьма ценных работах проявил себя скорее не аналитиком, а «апологетом эллинизма»; а Лев Николаевич Гумилев – «наукоедческим созерцателем». «Заостренно проблематично» ставил цивилизационные проблемы Самюэль Хантингтон, но и его или в чем-то стеснила американская «общественная цензура», или он что-то недоработал.

Кратко остановлюсь на некоторых частностях, но только на тех, которые имеют методологический характер.

Вначале об использовании феодализма как идеальной модели в социологическом анализе. Этот вопрос уместно затронуть потому, что в первом разделе книги (стр. 46) В. Шляпентох упоминает о позиции ряда обществоведов, сомневающихся в правомерности применения данной модели. В частности, упомянута позиция Клиффорда Бэкмана, считающего, что идеального феодализма в социальной истории не было, а посему для социальной практики – это бесполезная абстракция. По моему мнению, такое утверждение могут делать только люди, не имеющие отношения к науке, тем более, к гносеологии. Элементарный пример: в физике есть абстрактная формула скорости, но самой скорости как явления в природе не существует, есть движение машины, телеги, велосипеда, человека, коровы, черепахи и т.д. И тогда не следует признавать теорию скорости, а надо просто перечислять все эти явления? Или нет цвета: есть красная стена, но красное от стены забрать, оставив при этом саму стену, нельзя. Тогда следует отрицать теорию цвета?

Второй момент касается констатаций в книге о централизованном государстве, порой вырождающемся в абсолютистский монархизм или милитаристскую диктатуру, и о демократии (стр. 48-49). Не буду вдаваться в подробности, ибо и сам не все представляю предельно ясно, однако выскажу предположение, что вывод о неизбежности той или иной системы политического управления вряд ли будет корректным без учета «качества» населения.

В пояснение сказанного приведу одну цитату и две реплики.

- в «Немецкой идеологии» Маркс писал: «Различие между *индивидом как личностью* и случайным индивидом – не просто логическое различие, а *исторический факт*»². То есть он различал индивида случайного, как основу общественной пирамиды и индивида социализирующегося, как верхушку этой пирамиды (кстати, Гегель придерживался такого же мнения). Переведу на русский язык: они считали, что общество – это историческая социальная пирамида, в основе которой – бессловесная масса, составляющая основу пирамиды, а на вершине – находятся личности, обеспечивающие исторический прогресс.

Реплика первая: «низы», или несколько грубо – «быдло», с животным фанатизмом устраивали массовое сожжение женщин – «ведьм» на площадях средневековой Европы, подкованными сапогами шагали по телам женщин и де-

1 Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт. 2008.

2 Маркс К. И Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 87.

тей по всей Европе в наполеоновских войнах, психопатическими овациями встречали Гитлера и Сталина, в массовом масштабе уничтожали армян и насиловали армянских детей в 1915 году в Турции, с таким же размахом убивали евреев, проживавших в Польше и Украине; сегодня они воздают хвалу провидению за то, что их дети, обрамленные поясом шахида, уничтожают детей других народов и т.д.

Реплика вторая: я думаю, что именно анализ феномена «быдла» может стать актуальным в том месте, где Шляпентох акцентирует внимание на слабости государства, коррупции и др. (стр. 89), ибо слабая центральная власть может управлять только паразитируя на чувствах толпы и поддерживая коррупцию для «личностей». Похожим образом успокаивают дерущихся голодных свиней: в скотской драке достаточно в длинное корыто плеснуть помой, и все свиньи выстраиваются хлебать «халяву»; в свиарнике наступает «порядок». Заинтересованностью власти в коррупции объясняется и слабость борьбы с нею, никто не хочет лишиться основного инструмента государственного управления.

В книге оправданно много внимания уделяется коррупции как одному из органических индикаторов феодализма. Я думаю, что в СССР была такая же коррупция, как и в постсоветской России (по поводу текста на стр. 95 и далее), только в натуральной форме, а население просто воровало, воровство было всеобщее. В постсоветской России коррупция в виде натурального вознаграждения по занимаемой должности заменена возможностью «присваивать» в денежной форме. Речь идет не только о сокрытии налогов или необоснованном освобождении от их уплаты, но и об обналичивании, о чем Центробанк прекрасно знает, ибо сам же выдает наличку; о возможности обналиченное конвертировать в валюту и вывезти за рубеж; о таких формах сознательно практикуемого властью «официального» воровства, как реализуемые через административные структуры федеральные «гранты» т.д. То есть это все – не новое явление, а легализованное старое: истоки всех явлений нынешней России проистекают от СССР, где они были завуалированы, а потом, в иных экономических условиях легализовались и стали явными.

Теперь вернусь к анализу некоторых важных концептуальных вопросов.

Не вдаваясь в детали, хочу сказать, что проблематика главы 11 – «Частная охрана» (как «крыша») – изложена не только «в десятку», но просто «красиво». Здесь было бы уместно добавить, что интенсивное расширение «охраны офисов» также содействовало трудоустройству большого числа по сокращению досрочно ушедших в запас силовиков.

Остановлюсь на ключевом, по моему мнению, параграфе книги: «Личные отношения феодального типа в общественных науках». Странно, но на этот ключевой момент, как в разделении труда, так и в распределительных отношениях, и российские, и западные обществоведы почти не обращают внимания. А ведь это один из важных критериев феодализма или феодального атавизма в капитализме.

Если об этом кто-то и рассуждает, то лишь в завуалированной форме, типа: «...четыре субъекта решили создать квартет, но почему-то у них это не получилось...», и далее бесконечно много предположений, почему. У Крылова это проще: «...Осел, козел, мартышка и козоподобный мишка устроили квартет, а толку нет...». Далее можно ничего не объяснять.

Перейду от образов к науке. Шляпентох избрал феодализм в качестве научной гносеологической модели общества, это означает, что он признает правомерность либо гегелевской, либо марксистской, либо тойн-

бианской ретроспективной стратификации цивилизаций. Сразу же отмечу, что в гносеологическом плане все они эквивалентны и основу составляет гегелевская стратификация, по какой причине погрешность была привнесена и в концепцию Маркса о развитии общественно-экономических формаций, и в эллинистическую модель Тойнби. Ограниченность этих моделей заключается в том, что вслед за Гегелем, они исчисляют начало цивилизации также от древней Греции, когда художественность предметной среды граждан достигла высокого уровня. Все предшествующее Гегель считал варварством. Маркс в последующем, когда стал глубоко анализировать эволюцию исторических форм общественного разделения труда, почувствовал ограниченность этой стратификации. Он занялся изучением индийской цивилизации, которую, думаю, так и не смог понять до конца, а также цивилизацией Юго-Восточной Азии, в результате чего ввел понятие азиатского способа производства. По поводу этого понятия в 1936 году в Париже была большая международная научная конференция (советских участников в последующем Сталин в основном уничтожил). Она была повторена в 1966 году в Москве. После московской конференции обществоведы, не найдя приемлемого ответа на проблематику азиатского способа производства, охладели к ней.

При этом, как мне представляется, проблема была не столь сложной. Маркс, отталкиваясь от Гегеля, считал классической рабовладельческой формацией Древнюю Грецию и Древний Рим. Ну, это как в старых советских карикатурах, в которых Кукрыниксы изображали капиталистов с рогами, копытами и хвостом, как черта. Так и у марксистов: раз есть рабы, значит это рабовладельческое общество, при этом они не задумываются над тем, что в данном случае «раб» – это не социальное, а экономическое понятие, т.е. речь не о лишенности индивида личной свободы, а о его роли в производстве прибавочного продукта и месте в распределительных отношениях (иначе и США, и Россию и т.д. можно считать рабовладельческими государствами, т.к. в этих странах множество людей находится в тюрьмах).

Маркс сформулировал один из важных экономических критериев общественно-экономической формации (или цивилизации – все равно) – гармонию производительных сил и производственных отношений, что, естественно, гарантирует восприятие массами распределительных отношений как социально справедливых. Последний момент является ключевым, т.к. указывает на тип рабовладельческой формации, а именно: что это за социальное образование, где индивиды, будучи основными производителями (орудием труда), считают присвоение доли произведенного ими прибавочного продукта иждивенцами социально справедливым (т.е. имеет место гармония производительных сил и производственных отношений)? – ну, конечно, семья. Это и есть азиатский способ производства, характерный для Древнего Китая. Значит, Древний Китай и есть классическая рабовладельческая формация с семейно-родовыми отношениями; речь идет об экономических макро-семьях, а не о кровных семьях.

А Индия со своей кастовой стратификацией – это классическая феодальная формация, в отличие от марксовой германской формации, именно так он называл классический феодализм.

Еще в начале 1974 года, будучи аспирантом Шляпентоха, из ряда его высказываний я понял, что он придерживался концепции этнической предопределенности разделения труда (или трудового потенциала личности). Самостоятельно к этой идее я пришел позже, лет через 10, а потом прочитал у Гумилева (далее узнал, что об этом писал Гегель, Дюркгейм и, естественно, Артур де

Гобино), что общественное разделение труда имеет этнический «окрас». Из этого я сделал вывод, что классические модели общественно-экономических формаций (цивилизаций) представлены соответственно одним доминантным этносом, а остальные этносы являются лишь ступеньками при переходе от одной цивилизации к другой. В последующем я скорректировал этот вывод исходя из того, что одно понятие не может обозначать два состояния, и посему:

- «идеальные» модели цивилизаций представлены радами – их пять, как и общественно-экономических формаций: *негроидная, монголоидная, индоидная* (по-моему – не индоевропейская, т.к. европейцев я бы назвал чем-то средним между индоидной и семитской расами); далее, *семитская и славянская*;

- этносы являются переходными формами (ступеньками) между расами (цивилизациями);

- это означает, что любая цивилизация не есть одномоментное явление, а длительный процесс превращения, с атавистическими (в большей или меньшей степени) элементами в составе тех или иных этнических общин или государственных корпораций. Образно говоря, надо видеть не только объект в статике – курицу с ее хохолком, лапками, перьями и кудахтаньем, но единый процесс: яйцо-цыпленок-курицу, даже если они не похожи друг на друга.

Последний вывод нацелен на **подтверждение научной обоснованности изложенного в книге Шляпентоха положения о том, что во всех современных обществах мы можем найти элементы предыдущих цивилизаций**, в том числе и в самом развитии – американском (мистицизм афроамериканцев и тотемизм индейцев, кастовость латиносов и мессианизм евреев и т.д.). Ибо Древний Египет, Вавилон, Древняя

Греция, Древний Рим – все это первичные формы капиталистической формации (или рыночной цивилизации), которая мучительно продолжала «раскрываться» в европейских этносах, метавшихся между принципом сословных отношений (индийских каст) и поклонения «золотому тельцу».

Естественно, это не подвергает сомнению, наоборот, доказывает научность применения при анализе различных обществ именно идеальной модели общественно-экономической формации (цивилизации), что гарантирует научную корректность «измерения» и сравнимость стадий развития различных обществ.

И последнее соображение по поводу собственно анализа процессов, происходящих в постсоветской России. Дюркгейм подчеркивал, что сравнительный анализ корректен тогда, когда сравниваются идентичные этапы развития. Так и с постсоветской Россией. В свое время Шляпентох говорил: *«абсолютно все репрезентативно относительно чего-то»*, и потому можно постсоветскую Россию сравнивать и с нынешней Америкой. Однако многое в развитии постсоветской России станет ясным, если сравнивать с Америкой 1910-30-х годов. Мы получим почти что тождество: в 1990-е годы в России, в том числе в качестве советников Ельцина по экономическим и электоральным вопросам, работали в основном американские консультанты; из истории Америки заимствованы и финансовые пирамиды, как средство обуздания государством назревающей гиперинфляции, а также иные формы финансового и прочего авантюризма, равно как и нынешний фармацевтический психоз и потребительская вакханалия, которой мог бы позавидовать сам Вакх, достойных «весовых» представителей которого сейчас предостаточно как в Америке, так и в Европе, постепенно и в России.